

Ли Цинь

Тварь ли я дрожащая или право имею?¹

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_355

«点亮洞穴的微光：俄罗斯反乌托邦文学研究» (2020) 郑永旺, 北京：
社会科学文献出版, 2020, 319页, 教育部人文社会科学重点研究基地和黑龙江大学
俄罗斯语言文化研究中心学术丛书

Чжэн Юнван. Свет в пещере: исследование русской антиутопической литературы.

Пекин: Китайское государственное издательство академии социальных наук, 2020. —
319 с. — (Академическая серия ключевых исследовательских баз гуманитарных
и социальных наук Китайского министерства образования и исследовательского
центра русского языка и культуры Хэйлунцзянского университета).

Книга профессора Хэйлунцзянского университета Чжэн Юнвана является результатом общенационального проекта Национального фонда общественных наук Китая (俄罗斯反乌托邦研究 проект № 10Ww013), а ее издание было осуществлено при поддержке проекта «Сравнительное исследование китайских и российских литературно-художественных стратегий в рамках построения сообщества единой судьбы человечества» (проект № DEZ1905). Эта монография — один из наиболее авторитетных научных трудов по современной русской литературе на китайском языке.

В четырех разделах введения («Интеллектуально-исторические свойства антиутопической литературы», «Утопия как страна утопий и антиутопия как страна реального», «Антиутопический жанр в прошлом», «Три источника русской антиутопической литературы») автор излагает свое понимание генезиса утопии и антиутопии, характеризует особенности их типологии и место в современном литературном процессе, а также формулирует свое понимание взаимодействия утопического и антиутопического в русской литературе.

Исходя из классового подхода к интерпретации истории, которая «всегда основана на служении классу», автор тем не менее стремится избежать упрощений при оценке как отдельных авторов и произведений, так и всей истории развития русской литературы. В монографии много ссылок на труды ученых, стоящих на диаметрально противоположных позициях, автор пытается найти оптимальную «среднюю линию». Чжэн Юнван демонстрирует взаимозависимость утопии и антиутопии и на основе этого утверждает, что в антиутопии наблюдается «растворение утопии или противостояние ей». Полагая это общим признаком антиутопии, автор проводит параллели между «Государством» Платона и «Цветами в зеркале» Ли Жу-чжэня²,

- 1 Рецензия написана при финансовой поддержке китайского гуманитарного исследовательского фонда провинции Цзянсу (проект № 19YCS06), фонда фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242020S20050 и проект № 2242020R10030) и фонда проекта провинции Цзянсу «Двойная творческая докторская степень» (JSSCBS202030305).
- 2 См.: Ли Жу-чжэнь. Цветы в зеркале / Пер. с кит.; послесл. О.Л. Фишман. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. В этом романе рассказывается о Стране Благородных, которую посещает герой книги.

фиксирует сходство «Утопии» Мора, «Города Солнца» Кампанеллы, «Атлантиды» Бэкона, «Через сто лет» Беллами и «Что делать?» Чернышевского. Он выделяет как общее типологическое свойство всех этих текстов, в течение столетий наиболее репрезентативно представлявших антиутопическую линию в литературе, — показ несовершенства реальности через описание идеальной утопии.

Автор отказывается от последовательного рассмотрения антиутопий в русской литературе, он сопоставляет произведения и авторов, хронологически и идейно далеких друг от друга: поэму «Персиковый источник» («Сад цветущих персиков») Тао Юаньмина (IV—V вв.) и «Город Солнца» Кампанеллы (XVII в.), «Мы» Замятина и «1984» Оруэлла, написанные в прошлом столетии.

Исследуя жанровую специфику антиутопии, автор демонстрирует взаимообусловленность утопии и антиутопии, рассматривая их как продукт рационального мышления. По мнению Чжэна Юнвана, в утопическом романе персонаж выполняет символическую функцию, выражая идеалы писателя или, напротив, критикуя те или иные социальные явления. Как правило, герой утопии существует в абстрактном идеальном мире, а в антиутопическом романе он действует скорее в соответствии с человеческой природой. Для исследователя антиутопический элемент является частью коллективного человеческого бессознательного, и «стремление к утопическому миру фактически проистекает из антиутопии».

Уникальность России Чжэн Юнван видит в сочетании восточных и западных черт, а важнейшим отличием западных утопических романов от русских является, по его мнению, то, что герои русских романов в основном предпочитают решать свои реальные проблемы во сне, где они попадают в счастливое и радостное общество.

В качестве первого источника русской антиутопии Чжэн Юнван указывает на философские взгляды древнегреческих киников, а историческим свойством русской словесности, а также и нации считает «необходимость существования в русской литературе большого количества любимых Диогеном антигероев», радикально отвергающих государство и проповедующих безграничную свободу. В этом отношении поведение Родиона Раскольникова, совершившего два абсолютно бессмысленных жестоких убийства, по мнению автора, вполне вписывается в модель поведения, принятую в стае диких собак.

Второй источник — мениппея, которую Чжэн Юнван рассматривает как один из претекстов русской антиутопической литературы. Неоднократно обращаясь к работам М.М. Бахтина (один из самых цитируемых российских литературоведов в книге), автор прослеживает мениппейную традицию от «Женщин в народном собрании» Аристофана до Свифта и Достоевского.

Третий источник русской антиутопической литературы, по мнению Чжэн Юнвана, составляют ключевые свойства русской литературы. Автор весьма сдержанно относится к евразийцам с их обоснованиями особого исторического пути России и в целом разделяет представления о коллективном бессознательном, проявляющемся в литературе и выражающем волю народа. И хотя основы жанра антиутопии в России заложил, по мнению Чжэна Юнвана, роман Замятина «Мы», важнейшим основанием антиутопической традиции в русской литературе в ее современном понимании стала «Легенда о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Автор полагает, что Достоевский «предвосхитил и выразил в своей “поэме” карамазовский этос антиутопического общества на интеллектуальном уровне», создав «антиутопическую формулу», в которой человеческая природа и стремление человека к свободе всегда находятся в оппозиции. Именно Достоевский, с точки зрения автора, своими вечными вопросами, в том числе и одним из самых значимых — «Тварь ли я дрожащая или право имею?», во многом определил нравственную доминанту русской литературы XIX—XX вв.

Обозначив во введении свою точку зрения на генезис утопии и антиутопии и на типологические свойства русской антиутопии, основную часть книги Чжэн Юнван посвящает анализу антиутопий и ярких проявлений антиутопического в русской литературе.

Первостепенное внимание Чжэн Юнван обращает на эпоху, интертекстуальные связи, и только во вторую очередь — на конкретных авторов и произведения. Из двенадцати глав монографии только пять посвящены одному автору: шестая — роману Замятина «Мы», седьмая — прозе Булгакова (автор особо выделяет «Рокковые яйца» и «Мастера и Маргариту»), восьмая — «Чевенгуру» Платонова, девятая — «Приглашению на казнь» Набокова, а двенадцатая, заключительная, — «Чапаеву и Пустоте» Пелевина.

В монографии активно используется интертекстуальный анализ, и рассмотрение утопий и антиутопий сопровождается отсылками к произведениям современной и античной литературы, а также Библии. В ряде случаев, и это оговаривается автором, тот или иной текст выступает ключом к пониманию более современных произведений.

В первую очередь ученый выявляет свойства антиутопии — не случайно в названиях шести глав они вынесены в названия. Только название первой главы носит условно исторический характер — «Антиутопическая литература в русском Серебряном веке», а сама глава является ключом к пониманию как замысла автора, так и его видения литературного процесса. И хотя в этой главе Чжэн Юнван стремится охарактеризовать весь Серебряный век, основное внимание он уделяет роману И.Г. Эренбурга «Хулио Хуренито».

Отмечая общность культурного контекста «Мы» Замятина и «Хулио Хуренито» Эренбурга, автор подчеркивает, что по своей «пророческой» составляющей Хулио Хуренито намного «больше» и сложнее, чем персонажи «Мы» Замятина и «1984» Оруэлла. И, утверждает Чжан Юнван, «если Замятин изображает уже созданное “великое единое государство”, то Эренбург изображает начало этого “великого единого государства”, строительство которого планирует “ученик”».

В последующих рассуждениях об антиутопиях Серебряного века Эренбург для автора более значим и интересен, чем Замятин, хотя Замятину и его роману «Мы» Чжэн Юнван посвятил целую главу. Во второй главе («Молчание и возрождение — русская антиутопическая литература 1930—1960-х годов») Чжэн Юнван выходит за обозначенные им хронологические рамки и, обратившись к творчеству братьев Стругацких не только 1960-х, но и 1980-х гг., в качестве ключа к прочтению романа братьев Стругацких «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя» избирает «Хулио Хуренито», а немецкий роман Германа Казака «Город за рекой» (1947) называет ключом для прочтения «Града обреченного».

Третья и четвертая главы («Русская антиутопическая литература в последнее десятилетие XX века» и «Эпоха краха: русская антиутопическая литература в XXI веке») посвящены типологическим особенностям развития антиутопии в конце XX — начале XXI в.

Наблюдавшийся в русской литературе конца XX в. кризис стал для Чжэн Юнвана подтверждением его тезиса о том, что невозможность — устойчивая характеристика утопического идеала в русской литературе, а ярким выражением этого являются персонажи русской классики XIX в.: Родион Раскольников из «Преступления и наказания» и Рахметов из «Что делать?».

Третья и особенно четвертая главы содержат множество отсылок к политическим событиям недавнего времени. Целый раздел четвертой главы посвящен 11 сентября 2001 г., по мнению автора, наглядно обозначившему многие важнейшие проблемы XXI столетия и стимулировавшему расцвет антиутопии в настоящее вре-

мя. Напротив, в пятой главе («Хронотоп русского утопического романа») Чжан Юнван останавливается на важнейших свойствах антиутопического романа в русской литературе. По мнению автора, смысл антиутопического романа состоит в попытке героя вырваться из ограничений, наложенных на него обществом. Содержание и события романа подчинены притязаниям главного героя, пытающегося изменить сложившуюся ситуацию.

Важно отметить, что Чжэн Юнван относит к антиутопическим произведениям, традиционно рассматриваемые в российском литературоведении в качестве социальной или социально-политической фантастики. Таким, например, является роман Ю. Козлова «Низменность-VI, Rannonia», проблематика которого подробно проанализирована в монографии.

В шестой, седьмой, восьмой и девятой главах («Игра в свободу и счастье», «Антиутопическое мышление в творчестве Булгакова», «Город Чевенгур: нетипичный антиутопический роман» и «Антиутопическая эстетика в романе Набокова “Приглашение на казнь”») автор анализирует произведения Замятина, Булгакова, Платонова и Набокова. Хотя большинство оценок Чжэна Юнвана основаны на тщательном изучении работ российских и западных литературоведов, мнения которых он разделяет, тем не менее он по-своему расставляет акценты и во многих случаях дает собственные интерпретации.

Центральной проблемой, объединяющей романы Замятина, Булгакова и Платонова, является соотношение личности и государства. «В “Чевенгуре” Платонова личность — “винтик” в строительстве коммунистического здания», в «великом едином государстве» Замятина и Булгакова народ лишен индивидуальных целей.

По мнению Чжэна Юнвана, в рамках антиутопической поэтики можно рассмотреть и роман «Мастер и Маргарита», герои которого «имеют право объективировать своего собственного Христа, то есть спаситель каждого человека естественно отличается от других в силу его индивидуальной судьбы и выбранного им пути, и его Бог отличается от других». В «Мастере и Маргарите» Булгакова яркая человечность Иешуа и стремление к свободе в его словах резко контрастируют с жестокостью правящего класса Римской империи в лице Понтия Пилата. Иешуа у Булгакова — это не совсем Христос Евангелий, это Христос собственных мыслей писателя.

Признавая заслуги Замятина в становлении антиутопического романа, автор отмечает его связь с русской классической традицией, прежде всего с Достоевским и Чернышевским, и подчеркивает мятежную сущность его персонажа Д-503. «Существование этого человека и других подобных ему свидетельствует о вечном присутствии в человеческой природе стремления к свободе, фактора нестабильности утопического мира, или причины, по которой утопия неизбежно превращается в антиутопию».

Анализируя антиутопическое мышление в творчестве Булгакова, Чжэн Юнван отмечает пророческий характер взглядов писателя, историческую точность его зарисовок действительности и в то же время конкретность в изображении пороков советской системы.

Чжан Юнван считает «Мастера и Маргариту» антиутопическим романом с религиозным подтекстом. Иешуа у Булгакова — это «Христос собственных мыслей писателя», а взаимоотношения между Иешуа и Понтием Пилатом рассматриваются в контексте взаимоотношений личности и власти (типичная тема антиутопической литературы, по мнению Чжана Юнвана).

Сопоставляя персонажей «Мы» и «Мастера и Маргариты», автор делает вывод, что Мастер — это аналог Д-503 в «Мы», только с более счастливой судьбой, так как Мастер благодаря помощи Воланда смог вернуться в свой дом и вернуть сожженную рукопись. К сожалению, в этих своих рассуждениях Чжэн Юнван не замечает

дантовского подтекста романа Булгакова, того, что герои писателя обрели состояние покоя, а не вернулись в прежнее состояние.

Роман «Чевенгур» рассматривается Чжаном Юнваном как «нетипичный», так как в произведении сочетаются «реалистическая документальность и утопическая фантазия». По мнению автора, «нетипичное антиутопическое творение выносит прямой приговор иррациональному поведению людей, указывая на то, как нелепо и ужасно строить коммунизм нетрадиционным способом». Тем не менее антиутопический характер городка Чевенгур можно определить по идеологическому поведению героев.

Специфика Платонова как автора антиутопии видится Чжэну Юнвану в том, что, несмотря на неспособность многих персонажей писателя самостоятельно генерировать великие (или обыденные) идеи, все они видят социализм и коммунизм как спасение жизни. В отличие от Хаксли и Оруэлла Платонов углубляется в среду обычных людей, чтобы найти хотя бы проблески их идей или различных интерпретаций жизни.

Антиутопический характер романа Набокова «Приглашение на казнь» видится автором в отношениях между индивидуальным существованием со свойственным ему оторванностью от корней и абсурдом существования, и одновременно реальностью в восприятии происходящего. Очевидно, что писатель намерен поместить Цинциннату во время и пространство, принципиально игнорирующие любые национальные и государственные образования, что является обычным приемом в антиутопической фантастике для представления пространства и времени, как, например, в «1984» Оруэлла и в «Ночной охоте» Козлова.

В десятой и одиннадцатой главах («Контекст выживания антигероя в антиутопической фантастике» и «Последние времена») представлены произведения 1990—2000-х гг., демонстрирующие примеры садизма и насилия, ставших нормой жизни. Это и роман «Шкурка бабочки» С.Ю. Кузнецова (в России, как правило, он не рассматривается в рамках антиутопии), в котором отмечается связь писателя с фрейдистскими идеями, и роман «Ночная охота» Ю.В. Козлова как пример антиутопической фантастики на политическую тему, что, наверное, позволяет с большим основанием рассматривать это произведение как пример альтернативной истории. Одновременно Чжэн Юнван рассматривает и роман Т. Толстой «Кысь», приводятся примеры из криминальных романов (из серии «Я — вор в законе» Е. Сухова).

Роман В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота», которому посвящена последняя глава монографии (««Чапаев и Пустота»: миф об антигерое»), с точки зрения автора, наиболее показателен, так как демонстрирует стремительную девальвацию ценностей героя в связи с меняющимся временем и одновременно повествует о том, как «писатели выражают свое стремление к идеалу через нежелательные средства антигероя, показывая, что человек никогда не перестает думать о собственном будущем и интересах».

У монографии Чжан Юнвана открытый финал, как не закончена и история русской антиутопии, вновь и вновь возвращающейся к вечным вопросам, запечатленным еще в античных текстах, а затем вновь сформулированным Достоевским. Благодаря широкому пониманию исследователем антиутопии и утопии Чжан Юнван представил в монографии множество произведений, которые в российской или в западноевропейской традициях, как правило, не рассматриваются как антиутопические: помимо «классических» антиутопий Замятина, Оруэлла Хаксли, Брэдбери, братьев Стругацких и многих других, здесь и «Робинзон Крузо» Дефо, и «Путешествия Гулливера» Свифта, «Мастер и Маргарита» Булгакова и «Приглашение на казнь» Набокова.

Широкие культурологические обобщения — буддийские сутры и Платон, «Речные заводи» (китайский классический роман XIV в. и библейские тексты, Томас Мор и Кампанелла, Сервантес и Шекспир, Пушкин и Лермонтов, Гёте и Чехов, Толстой и Тургенев, Достоевский (чаще всего упоминаемый в монографии русский классик — 30 раз), Эренбург и Брюсов, Платонов и Булгаков, Пелевин и Толстая, Сорокин и Войнович и многие другие авторы и произведения, присутствующие в работе Чжан Юнвана, позволяют автору наметить как типологические различия между русскими и китайскими авторами, так и то, что их объединяет.

Чжан Юнван подчеркивает, что существуют различия между пониманием того, что представляет собой мир, в русской культуре и в культуре китайской. Тем не менее монография — убедительное свидетельство общности общечеловеческих устремлений, различное художественное воплощение которых не отменяет их глубинного родства.